

Інтерв'ю 12, хвиля 2 (осінь 2022 року)

Жінка/ромка/34 роки/Ужгород (ВПО)/16.12.22/Ірина/офлайн

Примітка про анонімізацію: задля безпеки респондентів із транскрипту інтерв'ю прибрані дані, що можуть вказати на їх особистість або їх близьких. Імена людей і тварин сховані за ***, населені пункти, будівлі, заклади, дати народження або інших особистих подій тощо видалені та замінені поясненням у квадратних дужках.

И: Первый такой вопрос, это просто нам познакомиться, да. Расскажите, пожалуйста, о себе, как Вы жили, вот, до войны или, вот, до двадцать четвертого февраля? И что у Вас вообще поменялось, да, такой общий вопрос. Что поменялось в Вашей жизни после двадцать четвертого февраля? Что, возможно, было каким-то таким важным и, вот, что абсолютно, да, вот, поменялось и как этот контекст повлиял...

Р: Ну, как вам объяснить. В семнадцать лет я вышла замуж в городе... Я родилась, выросла в Николаеве. Замуж вышла в Славянске... родила там троих детей, в Славянске, трюх сыновей.

И: (*шорох бумагами*) Извините, я просто ищу на русском эти вопросы, просто мне так будет легче. Я сейчас вернусь (*смеётся*). Я здесь, слышу Вас.

Р: Ну, и жили... а в четырнадцатом году я родила в Николаеве ребёнка, к маме ездила в гости, родила и уехали обратно в Славянск. А там начали заезжать эти танки, начались взрывы, от это всё началось. Потом я взяла и уехала в Харьков, там было более спокойней в Харькове. Там месяца три-четыре пожила у свекрухи.

И: Это в каком году было Вы сказали?

Р: В четырнадцатом, да... и уехала с Харькова к маме... переоформилась как беженка, там мне помогали люди, всё хорошо там было. А потом уже... как бы, взяла и уехала обратно в Харьковскую область и всё от это время до войны я жила там, в [город].

И: Это под Харьковом, да?

Р: Да, пятьдесят километров от Харькова... Ну, и началось всё от это... от это двадцать четвертого началось. Мы в метро были с детками, с пятерьма детками, две недели в метро, я не могла оттуда вы... уйти, выйти. Мы даже... да, да...

И: Из-за всёго?

Р: Да, да, из-за этого и выйти не могли с метро, потому что... там страшно, шо творилось. Ну, а потом уже как-то мы через метро вышли, нам ребята украинские, вы.. вы.. Ну, к вокзалу нас. Мы от это сели на поезд и поехали к маме, в Николаев. И от это мы с ней приехали в Ужгород. До Львова...

И: А как с Николаева, вообще нормально добирались?

Р: С Николаева... Я там тоже... в Николаеве началось. Мы две недели под столом с детками, у меня маленькая, два с половиной годика самая была и три годика девочке. Мы две недели под кроватями, думали, молились, думали, шо пройдет, вот-вот пройдет, и никак. И от это начали нам

заграничные люди, перекинули на карточку мне деньги, потому я начала просить деньги. Выехать без денег невозможно...

И: Та понятно (*с пониманием*).

Р: Полторы тыщи стояло... одно место в автобусе выехать до Одессы.

И: Это с Николаева, да?

Р: Да, да. И мы... Нам выслали деньги, мы выехали... это я, мои пятеро деток выехали и мои три племянницы, брата девочки. Потому что насилия были в Херсоне, там, там за девочек начали, за женщин, за девочек...

И: Страшно, конечно...

Р: А мама осталась в городе, потому что у неё сыновья.

И: Ааа, это её защищать, типа?

Р: Да, да. Она не оставила сыновей, мама. Ну, а потом уже, как бы, стало так, мы уже приехали в Одессу, приехали сюда...

И: Подождите, что значит “стало так”? Они переехали или нет, я что-то...

Р: Не, ну, мы с мамой тут. Мамы нету здесь. Мама, две недели назад сделали ей операцию, помогли нам пастыря, слава Богу. Собрали денюжки, сделали маме операцию. Она чуть не умерла. Её еле-еле подняли, маму. Ну, сделали операцию, и всё хорошо, слава Богу. Ну, а так... Нам здесь дали убежище, домик дали и мне, и маме. Как-то, ну, живем, слава Богу. Что нету, у нас нету сейчас поддержки, нету дров, дрова нету...

И: Сейчас вообще, наверное, трагическая ситуация...

Р: Дорогие и нету их вообще. Да, ну так, шо свет выключают, государство — плохо. Дети плачут очень. А так, ну...

И: Ну, мы ещё чуть позже вернемся к деталям. Давай, вот, ещё, так, попробуем в общем. То есть, вот, многие говорят, что когда война пришла, да, и вот эти все изменения, то что-то, вот, люди переосмысливают, да, что-то наоборот, во что-то больше начинают верить. Было у Вас какие-то какие, я не знаю...

Р: (*перебивает*) Есть, есть, и было, и есть. Я всегда в Бога верила. Бог помогает, Бог исцеляет, когда из сердца прочь, и что это... тыщу процентов Бог слышит. И я в том числе чувствую, шо Бог слышит.

И: Пряма были какие, возможно, предубеждения?

Р: Ну, да, я жила... ну, до войны была другой вообще. У меня и мысли другие были и... вообще отношение было немножко... Ну, не грубое к людям, ну, я выбирала людей. А сейчас у меня все одинаковые.

И: Выбирали в смысле: с кем хочется, не хочется общаться, кто плохой или...

Р: Да, да, да, да. А сейчас мне уже всё равно, я с Богом, ну, осознала, что люди есть люди, надо тебе быть... шоб ты была нормальным, а в окружающие... у него своё, он сам будет выбирать как себя вести.

И: Прикольно, интересно... У меня похоже было. У меня отец всегда говорил, что есть люди двух типов: хор... ну, нормальные, и ненормальные. Не потому, что кто-то там лучше, а кто-то хуже, то нет. А, ну, просто ты чувствуешь, ну, короче, человек к тебе как-то по-хорошему или нет. Ну, такое, это не обо мне сегодня, а о Вас (*смеётся*). Хорошо. Смотрите, можете, ещё раз просто, мне нужно зафиксироваться, то есть, вы, последнее место... жилья до Ужгорода — это был Ха... [город], Вы сказали?

Р: Ну да, я жила в [город].

И: Там, я не знаю, как, что это было? Дом или тоже шелтер или что?

Р: Я жила у свекрови.

И: У свекрови, то есть, у Вас семья, дом, по сути?

Р: Всё хорошо было.

И: Хорошо. Это был, ну, дом свекрови, то есть... тут у меня, как бы, я... поясню.

Р: Ну да, да, дом свекрови.

И: Хорошо. Расскажите, как Вы вообще типично проводили дни до двадцать четвертого февраля? То есть, тут у меня, как бы, больше о работе, но если не о работе, то какие-то, возможно, семейные...

Р: Ну, как, семейные, всё, жили, всё хорошо было, всё нормально.

И: То есть это, не знаю, уход за детьми, подготовка, там, с мамой?

Р: Да, да с мамой, всё хорошо было.

И: Угу, хорошо. Скажите, Вы, вот, понятно, что уже с две тысячи четырнадцатого года переезжали, а вообще, как-то Вы... ну, готовились к этой, ну, войне, которая началась двадцать четвертого? Чувствовали, что что-то приближается?

Р: Нет, нет, нет. Даже в мыслях не было, что начнется и по всей Украине такое.

И: То есть Вы не готовились, просто оно застало Вас, как бы, врасплох?

Р: Ну, нам говорили, соседи говорили: “С***, закупай продукты, с детьми, туда-сюда”. Но... я кричала на них, думала: “Что вы говорите такое?” Потому что я уже перенесла с детьми войну в Славянске, мне уже как-то не хотелось в это верить уже. Ну, а тут...

И: А не верили потому что, ну, вот реально, Вы говорите, не хотелось верить или.. Ну, там, думали, что не знаю, там, что Россия не пойдет, или ещё какие-то были у Вас внутренние ощущения?

Р: За это я... Да, не хотела, я не думала, что за Россию, за Украину, шо она нападет, не думала за это вообще. Даже когда сказали, что будет, я в это не верила до последнего, потому... до тех пор... в пять утра мне звонят оттуда, оттуда и кричат, и я слышу, шо возле моего окна от эти самолеты уже летают, летают. И тогда уже мы уже начали трястись, уже страшно было. И под сирены я уже ходила в магазин за продуктами, я... там чуть не падала. Страшно, страшно, да.

И: Я вообще с Киева, у нас просто, как бы, бомбонуло, но, слава Богу, я, не знаю, так сильно не переживала.

Р: Ну, я выехала с Николаева, я уже там всё перенесла всё, в Харькове. От это ж я приехала к маме, вытащили нас с метро, приехала к маме, там две-три недели посидела, думала, шо ну, там может...

И: А что значит “вытащили”? Попросили уйти, типа?

Р: Не, мы ушли, ну, там много народа было, прятались.

И: Ну, я понимаю.

Р: Ну, пацаны, какие-то, ребята, ну, нашли как выйти оттуда. Мы вышли через метро, отети, по рельсам вышли и шли, вотето, подземку, вышли и туда поднялись на вокзал, и уже там поезда ждали, кто туда, кто туда.

И: А, Вы просто какое-то время переждали, а дальше думали, куда вообще, ну, как бы...

Р: Да, ну, там страшно было, столько народу, шо моих детей чуть не свалили с с этих, там страшно было вообще.

И: Ну, я думаю, это...

Р: Да, это надолго запомнится... надолго. А уже сюда приехала в Николаев, думала, там, ну, будет, ну, нормально, и от это, я ж говорю: начали летать, летать. Мама больная, она гипертоник, давление и там она взяла, от это, сахарный диабет или со страха или шо, я не знаю... не могу представить, как она его получила.

И: А раньше не было?

Р: Нет... вот это во время войны у неё...

И: Ну, на почве нервов может...

Р: Может... Ну, она, слава Богу, не на инсулине, а на таблетках, слава Богу.

И: Да, понимаю. Хорошо, смотрите, давайте сейчас уже чуть-чуть окунемся уже в то, как сейчас уже, то есть, как сейчас вообще поменялось, что изменилось в Вашей жизни, когда Вы переехали в Ужгород? Возможно в том, как проводите время, что Вы делаете, ну, не так как, ну, вот в [город]? Или, как-то повлияло, вот, переезд сюда? Вот, Вы сказали, что раньше, допустим, Вы жили со свекровью, здесь, я так понимаю, нет, возможно это как-то повлияло?

Р: Та она тут живет недалеко от меня всё равно (*смеётся*).

И: Не, ну, всё равно, да... Как, вот, проходит Ваш день обычно?

Р: Встала, сварила, покормила детей, поорала, они на меня, я на неё, и от так проходит день. Ну, трудно, мне трудно, очень, очень трудно. Тяжело мне. И морально, и так тяжело.

И: Из-за чего?

Р: Наверно, внутри у меня что-то такое, ну, не знаю...

И: Это связано...с...

Р: С нервами, у меня авария была в семнадцатом году. У меня головные боли, я начала забывать всё, у меня как склероз или шо... Я больше времени забываю всё на свете, и от это у меня головные боли частые... Целое лето вызывали скорую, но скорая уже не выезжает ко мне...

И: Не верят? *(смеётся)*

Р: Не то, что верят, говорят, в больницу идти. А у меня нету времени на больницу идти, потому что детки маленькие, мама, вот это, месяц шлялась по больницам.

И: Ну, да, такое себе. А какие-то таблетки можно или такое...

Р: Таблетки есть, только я боюсь их пить... но такие мне...

И: Сильно влияют, да?

Р: Сильно влияют, да. Я сплю под ним, мне такое... не нравится. Я всегда такая, как солдат, говориться. Всё на себя. Всё за всех, отак.

И: Хорошо. А как изменились вообще Ваши, не знаю, доходы и расходы тут с переездом?

Р: Доходы у меня здесь, у меня малая, я получала, получала и мать одиночку и малообеспеченную, всё получала до войны, а уже когда приехала сюда, у меня убрали... детские вообще.

И: А почему?

Р: От эти два месяца, три платили автоматически на пятерых детей, а щас закрыли, на детей я вообще ничего не получаю... Кроме ВПО и каких-то помощь, если я успею зарегистрировать то... получу, а так...

И: Я поняла, что Вы платили автоматически, вам на карточку получаете?

Р: Два месяца...

И: А тут Вы как-то куда-то переоформлять?

Р: А тут я пошла полтора месяца назад, сделали мне в совбесе... До шести лет.

И: Что? Что такое до шести лет?

Р: Да, ну, это... Я не знаю, как это оно называется... Ну, маленькая, да...

И: До шести лет платят что-то, а дальше не платят?

Р: Да, да, только на одну, только до шести лет...

И: Это для всех так или для переселенцев?

Р: Да, теперь говорят, для всех.

И: Это новая какая-то, да? Государственная помощь.

Р2: *(другая респондентка в комнате, со стороны)* Теперь обратно надо сдать, по многу людей померлы. Дети умерли, война, из-за этого по-новому надо сдавать.

И: Эти документы, чтобы получать, да. Но возможно, да, получить на детей старше шести лет или нет?

Р: Не, ну, говорят до восемнадцати буду делать, я так слышала.

И: Да, ну, то есть получается, сейчас уменьшился доход из-за того, что уменьшились... ну, социальные выплаты.

Р: Уменьшились... Не хватает мне на пятерых детей, на себя...

И: А как Вы вообще тогда живёте? У Вас есть какие-то сбережения или, вот. И на сколько их хватит?

Р: Мне приходит, отета, на шестерых людей ВПО приходит.

И: А ещё есть какие-то доплаты небольшие, да?

Р: Да, ну, ты это, говорю, если я успею где-то зарегистрироваться, вот эти помощь международные, то шото есть, а так..

И: А как Вы узнаете, где эти помощи?

Р: Ну, по своим, своим... ходят, да, говорят, что, вот там и там, иди, зарегистрируйся. Успею — зарегистрироваюсь, нет — нет. А так кроме ВПО ничего больше.

И: Понятно, хорошо, делаете ли Вы какие-то, там, не знаю, запасы сейчас или так просто или там вещей. То есть, Вы чувствуете какое-то напряжение по поводу?

Р: Нет...

И: Окей, так, мы обсудили, вот, у меня меня вопрос, где и с кем Вы живете? Да, но мы обсудили, что Вы живете с....

Р: Пятеро детей и мама.

И: С мамой, а Вы не родственники *(интервьюер обращает внимание на женщины, которые сидят в комнате)*? Просто встретились тут?

Р: Пастор Януш, ага, наш пастырь.

И: Я просто не совсем знаю, как это функционирует, то есть пастор, есть ...

Р: *(перебивает)* Ну, у нас церква есть своя, да... жена пастора Януша *(показывает на одну из женщин в комнате)*.

И: Ага.

Р: Ну, и мы собираемся. Ну, нету её? Сейчас это.

И: Ничего страшного, окей? То есть, живет, по сути, ну, рядом вместе люди, которые ходят в церковь, да, к одному пастору. Окей, извините, просто я не много знаю, поэтому расспрашиваю.

Р: Ничего, спрашивайте.

И: Да, мне просто как раз это, вот, для того, чтобы понять разные контексты... Ну, что написано, это вопросы, да, да. Хорошо. все ли, с кем Вы жили, там, до войны приехали сюда с Вами или кто-то остался?

Р: Да, приехали мои тётки, человек, наверно, семь, да? Мои тётки, семь человек. Это моего отца родные сёстры, племянницы... и, там, ихние дети маленькие приехали.

И: Они где-то тоже рядом?

Р: Ну, да, рядом, мы всё рядом, всё на Радванке. Тут, в кругу...

И: Ну, да, как община, по сути? А есть какие-то, не знаю, родственники, которые уже вернулись, возможно, где-то в Харьков, под Харьков, то есть там же сейчас, я так понимаю, более менее безопасно?

Р: Есть, есть, есть. Родственники дальние, ну. Они тут жили и уехали обратно, но они звонят и говорят, что... невозможно, чтоб там жить: школы нету, школах нету, стреляют, каждое утро бомбят, эти стуки, грохоты... я не знаю, думают обратно ехать, наверно, потому что невозможно жить там.

И: Я... сложно себе представляю. Ну, просто знаю, что есть люди, которые приезжают, там, не знаю, какие-то у них есть внутренние причины, которые возвращают их назад или там, ну, просто...

Р: Ну, или из домом у них не порешалось, что-то, или туда, или то как-то, ну, уезжают туда. Ну... обратно вертаются, потому что невозможно. И мне два месяца назад... где-то, я не знаю, где-то я была переоформлять что-то... И мне говорят: "Езжайте обратно в Харьков, говорят... эээ... Харьков освободили". Так я начала там так орать на них, говорю, вот туда вы и едите.

И: Да, сами Вы туда не поедете *(смеётся)*.

Р: Да, с четырьмя детками, с больной мамой поеду обратно в Харьков.

И: Советчики у нас, да, ну, это, знаете, всюду есть такие *(смеётся)*.

Р: Это же говорю, начала... раньше я выбирала людей, две стороны — плохие, хорошие, а сейчас я уже как-то... думаю... Это они сами себе... Не шота себе, если кто-то шота говорит и думает: “плохой”, то это... свою сторону, мне, да, как-то всё равно.

И: Давайте ещё чучуть о родственниках. Чувствуете ли Вы, поменялось ли что-то, вот, в отношениях между вами. Ну, дети, я так понимаю, маленькие, но, вот, как минимум, мама здесь, как минимум, Вы сказали, тётки, да, то есть, как-то, не знаю..

Р: Ничего не поменялось.

И: Стали ли Вы ближе, дальше, там?

Р: Ничего... как было, так и...

И: Окей, просто, как бы, переехали и... А скажите, поменялось ли Ваше ощущение, эмоции, возможно, вот, в первые дни войны и сейчас? Вот уже прошло какое-то время.

Р: Ну, конечно поменялось.

И: Как? Можете чуть рассказать?

Р: Ну, тогда у меня был, ну, такой бурный, буйный... стресс, я не могла ни дышать, у меня бледное лицо постоянно было. Я вообще на себя не похожа была вовсе... на меня кричали, постоянно: “успокойся”. Сирена зазвучит — я всё. Начинал белеть и дрожать, и от это, детей собирать возле себя, от окна их выгонять. Ну, к окну не подходить. Ну, стресс был у меня большой. Ну, а щас, ну... когда уже сирены... орут, то всё равно как-то спокойней. Думаешь, что... молишься Богу, что тут... знаю, шо такое не будет как там.

И: То есть Вы чувствуете тут как-то безопасней себя? А сирены тут тоже вроде есть?

Р: Есть, есть. Ну, я ж говорю, как-то уже научилась, чтоб, я знаю в голове, что там был, были ракеты, летали, а тут, слава Богу, нет. А сирена просто вот это... Ну, я понимал уже головой, что, да, а тогда я не понимала. Я думала, что упадёт, значит упадёт, да. А тут, слава Богу, хорошо, тишина...

И: Эмм.. так, ну, то есть тут в Ужгороде не было прилётов всё это время?

Р: Нет, слава Богу, нет, не было.

И: Это да... эмм... Вообще, вот, военное время тоже есть какие-то ограничения, да, ну, я знаю, в Ужгороде вроде нет комендантского часа, но вот в других городах есть.

Р: Нету, да..

И: Да, и, возможно, какие-то попадались... ну, Вам попадались какие-то, я не знаю, возможно, проверки ТРО или, вот, неудобства с закрытыми магазинами или ещё какие-то штуки, которые мешают жить. Есть какие-то ограничения?

Р: Ну, во время вот этой сирены иногда в аптеку не разрешают зайти ж, в магазины. И вот это на нервы тебе действуешь, ты психуешь, лекарства или что-то надо маме купить. Ну, и психуешь поэтому.

И: Психуешь просто, типа, неудобно?

Р: Да, да, неудобно.

И: А, вот, я знаю тоже сейчас есть ограничения для мужчин, которые, ну, что они не могут выезжать, например. Есть у Вас в семье, возможно, кто-то, кто, не знаю, работал за границей или ездил... Это никак не повлияло?

Р: Ну, у меня работала свекровь... за границей, но она тоже не хочет... выезжать, мы никто не хочет выезжать за границу.

И: Не, ну, я имею в виду, возможно, не жить. Знаете, а там поехал, вернулся.

Р: Работать?

И: Да, да. Там, не знаю, ну, кто-то вот.

Р: Не, без мужчин они не хотят выезжать.

И: А мужчинам нельзя...

Р: А мужчинам нельзя, нельзя ж ехать...

И: Ну, так я вот и, собственно, и спрашиваю, то есть, это как-то... Ну, то есть, у Вас есть пример...

Р: У меня свекр болеет, он больной человек, пастырь тоже, Д***с, свекр мой. Он болеет часто, у него... вот это, как... давление... Ну, ему возраст не позволяет выезжать.

И: А, ну, ему, типа, можно, но уже, просто, ну, возраст?

Р: Ну, да в возрасте, ну, и свекровь дома... с ним. Не оставит его.

И: Это знаете, человеческое, у всех похожее в этом смысле сейчас.

Р: Да и зачем выезжать? Скоро закончится война и всё будет хорошо. Надо молиться Богу. Вот, что я делаю каждое утро и каждую ночь... Молюсь, молюсь молюсь, так молюсь, что аж до неба пошёл, быстрее, там, моё самое сокровенное желание, шоб закончилась война. И шоб такое никто не переживал, ни другие страны, никто. Война — это очень страшно.

И: Угу, ну, я, я в этом с вами солидарна... Боже, у нас уже тут с вами театр. Знаете, мы с Вами как на интервью, а всё смотрят... Вот, собственно вопрос, который вспоминала, хотела бы спросить, если вам вообще комфортно об этом говорить, было ли такое, что кто-то из тех, кого Вы знали лично, погиб? И вообще, кто это был, если можете рассказать?

Р: Да, у меня два месяца назад в Никополе... Моей мамы мама старенькая, девяносто два или девяносто три года ей было. И она умерла... нас там никого не было... мы не смогли поехать, попрощаться с ней. И... тётя моя, сестра мамина родная, она там с ней была до последней, она смотрела за ней. Ну... её похоронили, и она приехала сюда, в Ужгород к нам, она сейчас живет у меня в дом. Это тётя моя.

И: А умерла, получается, бабушка?

Р: Бабушка.

И: Ну, как бы, своей смертью, правильно понимаю?

Р: Да, да, ну так, слава Богу... Из-за войны никто, слава Богу. Но всё равно... умерла, плохо, мы её не видели никто, бабушка.

И: Ну, да, и невозможность поехать вообще, это как-то...

Р: Не было, да, так.

И: Как Вы вообще сейчас...эээ... остаетесь в контексте событий, которые происходят в Украине. То есть, там, не знаю, читаете в интернете, смотрите телевизор? Возможно, кто-то рассказывает, вот откуда черпают информацию?

Р: Интернет.

И: Какие-то можете назвать, не знаю, медиа, паблики, что, ну, какая информация.

Р: Ну, новости смотрим, которые за ракеты, там стреляют, там. Вот вчера слышали, шо в Харькове, вот это, Харьков и Киев бомбили сильно.

И: Ну, это какие-то конкретные каналы, типа, не знаю там...

Р: Не знаю, у меня в интернете телефоне стока их...

И: Просто подписаны на разные...

РЗ: (*другой мужчина, который в комнате*) У нас, например, есть в этом, в Телеграмме — загрузил, там, Ужгород и так далее.

И: Дякую (*смеётся*).

Р: Да, у меня в Николаеве брат...там двоюродный живет, он не выезжал с города вообще. И он на инсулине, молодой парень, двадцать один год ему, не выезжает. И каждый день звонит, говорит, шо прилёты, прилёты. Ну, Бог его оберегает... всё хорошо, слава Богу... Полгорода уже нету нашего города.

И: У меня тоже есть знакомые, которые переехали, особенно там, боже, забыла, там район целый в Харькове разбомбленный. Хорошо, это такой вот блок, такой ретроспективный, да, возможно ещё что-то можете вспомнить, что у Вас особо, ну, или не особо, чуть-чуть поменялось в жизни... с переездом сюда. Ну, если нет, то нет, просто невозможно что-то не вспомнили.

Р: Так, просто, что дети выросли, а так ничего не поменялось.

И: Да, выросли, да, девять месяцев уже, да, получается. Так, смотрите, такой блок, большой, несколько вопросов по поводу, не знаю, какой-то активности, помощи другим. Как вам кажется, важно, чтобы люди, живущие в более менее безопасных регионах, помогали другим? И кому вообще важно помогать?

Р: Да, надо помогать людям, да.

И: А как можно помогать?

Р: Ну, я не знаю, ну, как, чем можно? Ну, продуктами. Потому что люди голодают.

И: Вы имеете ввиду, там, на больше оккупированных регионах или вообще, вот сейчас и везде?

Р: Ну, вообще, у кого есть возможность, чтобы помогали, конечно, потому что люди... там и на войне надо, им надо же помогать. И тут люди приезжали тоже с оккупированных мест, приехали сюда. Нету у них финансов, может быть такое, может нету жильё, может, там, нечего одеть... Ну, и... пускай люди помогают, у кого есть возможность. Я так считаю.

И: Да, я, не знаю, могу ли я говорить, но абсолютно с вами, конечно, согласна. Скажите, как вообще, вот, с Вашей стороны, чувствуете ли Вы или получалось ли тоже кому-то помочь? Возможно, вот, за это время, возможно, это кто-то из Ваших близких, да, то есть, это там не только продуктами, а действиями...

Р: Продуктами? Помогала я и на войне, как раз, когда была... Получала на карту деньги, помогала, покупала продукты, несла под сиреной... своим родственникам. Бывало, там, девочкам помогала, своим знакомым.

И: Это уже когда были в Ужгороде?

Р: Не, там, когда война уже началась.

И: Это Вы вспоминаете...

Р: Здесь, здесь городе я не помогла никому, кроме морально...

И: Морально — это тоже...

Р: А так, у меня... ну, нету никакой возможности здесь помочь.

И: А морально кому помогали?

Р: Ну, и маме и тёткам помогала. Иногда на улице встречаешь людей, объясняешь, рассказываешь, шоб не опускали руки, шоб держались, молились.

И: Угу, ну, в принципе, у Вас же, наверное, был такой опыт и до этого, правильно, то есть, поддерживали своих близких и в, там, в Харькове или в Николаеве, где в там были. Ну, это большая, на самом деле, нагрузка щас на всех. То есть, такая моральная атмосфера. А, хорошо, следующая такая, у нас блок, то есть, мы уже поговорили о вас, да, о Вашей жизни, и тут какой-то такой политический блок, то есть... Интересно вообще... Как вам кажется, мне интересно, изменились ли Ваши вообще политические взгляды после начала вот этого повномасштабного вторгнення?

Р: Что такое политическая?

И: Ну, сейчас я спрошу, смотрите, не бойтесь (*смеётся*). Тут всё будет так, повопросно. Ну, то есть, например. Как Вы думаете, кто вообще виноват, что началась война?

Р: Ну, я скажу как оно есть, как я думаю, Зеленский — наш президент.

И: (*в комнате начинаются реакции других присутствующих, поэтому интервьюер просит не перебивать*) Не, ну, подождите, мы общаемся с С***, поэтому...

Р: Ну, я скажу, я скажу своё мнение, как я считаю, я не знаю, может, я не доросла до этого, в политике я не понимаю ничего...

И: Никто, на самом деле, на сто процентов не понимает, поэтому, Вы говорите, а не слушайте никого.

Р: Я думаю так, что... Американец взял под свое руководство нашего президента и руководит ним, вот так я скажу своё мнение.

И: Ну, окей, он руководит, и как это привело к войне?

Р: Ну, думаю, Путин не хочет, чтоб мы вступили в НАТО, поэтому... отбивает наши города, шоб нас не забрали заграничные страны, шоб она была так, как есть. Я так думаю.

И: А какие заграничные страны нас должны были забрать?

Р: Ну, Америка ж. Америка хочет... Зеленского туда к себе. Ну, смешно, но я так думаю.

И: У кого-то другая... другие мысли... Тогда другая в это время мы.

Р: Это просто война, и... американец с Россией на нашей территории, я так думаю.

И: Угу... и, ну, если отталкиваться от ваших мыслей, то, как вам кажется, ну, вот, если, там, не знаю, Зеленский, его коллеги виноваты?

Р: Я не люблю, не уважаю Путина.

И: Не, не, я не я не об этом, ну, то есть, да, да, что значит...

Р: Ну, всё равно, я думаю, что... виновные — Зеленский и Байден.

И: И команда... А они могли как-то избежать этого? То есть, что бы они должны были делать, чтобы избежать начало такого коллапса?

Р: Не знаю, я думаю не надо было... Зеленскому... проситься в НАТО, и не было никакой бы войны.

И: То есть, это был триггер основной?

Р: Ну, я так думаю, я може ошибаюсь, ну, я своё мнение сказала.

И: У нас нем сегодня правильного и неправильного мнения. Есть... разные люди думают об этом по разному, да? То есть, даже какие-то супер политические эксперты...

Р: Я свое мнение сказала, личное мнение.

И: Конечно. Ну, есть ли какие-то моменты, ну, вот в этом, как развивается война, что... что, которые для вас, вот, четко понятны — вот это так и так. И... какие-то, возможно, непонятные моменты?

Р: Нет, я туда не лезу, ну, я, вот это шо... думала во всё это, как началась война. Так и вот это... это, шо я сказала... Дальше я уже не лезу уже. Я ни... Не могу ничего сказать, это.

И: Хорошо... Это, как бы, о том, как она началась, но здесь ещё такая, вот, мысль, да, есть, что там, вот, Путин виноват в том, что он начал войну. Ну...

Р: Ну, Путин однозначно виноват. Да, потому что сколько людей поумирало.

И: Ну, понятно, а ещё вот... некоторые говорят, что виноваты также российское общество. Вот как люди. Как вам вообще, что Вы думаете по этому поводу?

Р: Ой... Я их терпеть не могу. Дай Бог им того, что мы пережили, наши.

И: Ну, понимаете?

Р: У меня родственники, у меня братья двоюродные, там, тётки в России... Я с ними общаюсь, они тоже против войны, тоже родственники, но всё равно я их терпеть не могу. Ненавижу россиян. Потому что я слышала, как они за Украину разговаривают и говорят, что, типа, правильно, что хорошо делают, шо стреляют, шо убивают украинский народ. Они за...

И: Знакомые, родственники или просто?

Р: Не, не, это россияне, россияне.

И: А, ну, были ли какие-то конфликты у Вас? Вот Вы говорите, что у Вас есть родственники в России, на фоне войны или Вы нормально можете, ну, до сих пор общаться?

Р: Не, нормально. Они тоже жили, выросли в Украине, но переехали... уже пятнадцать лет живут как в России, но всё равно они против войны, они за Украину...

И: Ну, а вот если возвращаться к моему вопросу, да, вот как Вы думаете, насколько велика ответственность, там, каждого отдельного, да, россиянина? Как бы правильно сказать, “русского гражданина” в этой войне, то есть, могут ли они вообще на что-то влиять? Могут ли они что-то поменять или они, ну, условно как игрушки, марионетки?

Р: Да, если они соберутся, конечно, соберутся и пойдут, именно, как говорится, на него, на этого президентушку.

И: Ну, а как они могут пойти? Митингами?

Р: Ну, против него митингами хотя бы, хотя они митинги делали. Ну, Вы же видели, шо там было, их сажали людей, кто был против войны, их сажали, били, топтали. Вот эти... счетами их давили. Это мы видели, говорили нам с Россией, что такое там.

И: Ну да, то есть, больше ответственности, так как, как я слышу вас, на ком: на Путине или на гражданах?

Р: Ну, Путин, конечно.

И: Угу, диктатор, наверное, да? А... вот Вы уже вспоминали, что... Вы видите роль, там, НАТО и Америки в этой войне... а какова роль ЕС? То есть, они, ну, могли бы вообще, не знаю, предотвратить эту войну или... как они могли более активно влиять?

Р: Могли, могли. Я думаю, могли, но они не хотят же... нам небо не защитили с самого начала. Он отказался, этот Байден, он же отказался нам. Просил, Зеленский же, шоб он небо нам, а он не закрыл...

И: А почему, Вы же... Ну, вот если отталкиваться от Ваших слов, то... Байден и Зеленский, типа, вместе или нет?

Р: Конечно, Зеленский с ним... заодно.

И: А почему же Байден тогда не поддерживает нас?

Р: Потому, что он боится.

И: Почему?

Р: Он помогает, оружием помогает же, Вы ж знаете, что он помогает с оружием. Со всем помогает, но...эээ... небо он не захотел закрыть...

И: А боится чего именно?

Р: Вот это уже интересно. Мне тоже интересно, я постоянно задаю себе вопросы, почему он отказывается закрыть небо?

И: Ну, Вы говорили, что он чего-то боится, а чего?

Р: Он боится, значит, россиян, потому что россиянин сказал, чтоб он не лез. Я так слышала, что ему сообщили, что... вот это, Путин сообщил, чтоб, чтоб он не лез на счёт неба.

И: Мм... Сообщили через... вам через какие-то Телеграм-каналы или как, что, ну, откуда такая информация?

Р: Это первые дни месяца были... когда война началась.

И: Не, ну, я имею ввиду, откуда?

Р: В телевизоре...

И: А, в телевизоре такие слышали мысли... Окей, ну, то есть. Давайте так чуть ещё последний этот подсумируем. То есть, что могла сделать украинская власть, чтобы предотвратить войну? Ну, вот, идеальную картинку себе рисуем.

Р: Ой... Чтобы не было войны вообще, чтоб не началась.

И: Но чтоб... В идеале, конечно, не в четырнадцатом, но мы сейчас вообще думаем о две тысячи двадцать втором.

Р: Ну, хотя она бы началась, конечно... Зеленский, шоб не просился Зеленский в НАТО, у меня такие мысли. Если бы он не попросился в НАТО, то этого не было бы.

И: Ну, не попросился...

Р: Ну, я думаю...

И: Ну, я тоже не знаю, на самом деле, я... могу только смотреть, слышать, что говорят и что там говорят разные люди, но идеала тут, как бы, какой-то нет. Окей, началась война, что дальше, то есть, сейчас, ну, украинская власть тоже что-то делает...

Р: Делает, конечно теперь делает.

И: ... они вроде бы, как бы, ну, какие-то ошибки, наверное, тоже есть. Как Вы думаете, что получается, чтобы дальше уже не развивалась это война, а что не очень?

Р: Я уже не знаю, что там будет, когда она закончится, я только молюсь Богу и не не хочу туда, потому что, если я зайду в интернет, я неделю плачу... меня откачивает мама, дети мне не нужны становятся, я на своём только.. в интернете каждое слово слушаю и рыдаю, у меня стресс. Поэтому я уже не вникаю в это.

И: Угу.

Р: Как будет, так будет надо только молиться Богу, только Бог живой слышит молитвы и всё, а так я не вникаю уже ни телевизор, ни в интернет.

И: Да, ну, наверное, сейчас мы мало что можем, ну, сами поменять?

Р: Ничего, только Бог может поменять.

И: Скажите, как Вы думаете, может, вот, сейчас, там, по сути, мы понимаем, что... Происходит такой, как бы, террор, да, и... всё, чего хотят, чтобы мы отдали эти захваченные территории, ну... возможно не всё.

Р: Ну, мы не отдадим же.

И: Но, типа, допускаете ли Вы, что какие-то из захваченных территорий можно отдать?

Р: Нет, не надо отдавать ничего.

И: То есть даже то, что было.... Ну, как насчет того, что было, там, до четырнадцатого года?

Р: Ну, тогда ж отдали и Донецк отдали, или шо там отдали?

И: ДНР... Ну, то, что сейчас называется ЛНР, ДНР.

Р: Наш Крым забрали ж...

И: То сейчас мы должны стоять, ну, до какой, да, границы?

Р: Ну, я не хочу так, чтоб было, как тогда. Хочу, чтоб они отстаивали своё и всё, шоб мы отстаивали своё. Ни одного города шоб не дали. Как была Украина, так и шоб была Украина.

И: Ну, да, я тоже хочу, посмотрим, как оно будет.

Р: Дай Бог... молиться надо, молиться. Бог услышит и поставит всё на свои места.

И: ... (*пауза*)... Так... Хорошо, смотрите, допустим, мы чуть-чуть с этим разобрались... То есть, ну, как-то Вы знаете о себе, или, там, чувствуете, заметили ли Вы, что у Вас изменилось отношение, к каким-то, не знаю, возможно, политическим лидерам или власти или, возможно, не политическим. Возможно, каким-то, вот, люди, которые влияют, да, сейчас? То есть, они, не знаю, в Ваших глазах были идеалами до, там, двадцать четвертого февраля, а после упали или наоборот?

Р: Говорю, у меня был идеал наш президент, Зеленский...

И: А после того...

Р: А после того... я его... Потому что он, как пришёл к нам, у нас и детские убрали, и всё убрали, всё, всё пошло. Я скажу своё мнение, что я его любила, конечно, ходила на концерты его на “девяносто пятый квартал”, а потом уже... после двадцать четвертого — всё.

И: Ну, да.

Р: Да, отменил всё нам...

И: Ну, а вообще, вот, как вам кажется, кроме Зеленского... Ну, не знаю, например, там, Верховный совет Украины или ещё какие-то, не знаю, деятели влияют на ту ситуацию, которая происходит сейчас?

Р: Я не знаю, я тут опять скажу, не влияю. Я не понимаю в политике.

И: Окей, ничего. Так.. про родственников мы поговорили, что Вы с ними дальше общаетесь. Они, кстати, как? Поддерживают, как бы ну, против войны?

Р: Ну конечно. Против войны все, все против Путина.

И: Ну, возможно, это для Вас странный вопрос, но на самом деле, вот у меня даже есть родственники, которые, типа, ну, которые чётко против, а есть которые, такие, знаете, ну, сглаживают углы, я бы это так назвала, поэтому в принципе есть очень разные ситуации, поэтому я спрашиваю, как у Вас?

Р: У меня в Москве живет братья, тётя, ну, они против всё равно, против войны, они на него там...

И: А как Вы вообще по поводу, вот, российской культуры? То есть, я не знаю, вот мы все знаем, там, не знаю, музыкантов, литераторов и так далее. Сейчас какие-то есть всякие, не знаю, движения по поводу того, чтобы, там, снести памятники Пушкину, там, Лермонтову, ещё кому-то в разных городах. Как Вы вообще к этому относитесь?

Р: Иногда нервничаю, хочу тоже снести памятники, но опять думаю, причём они тут, памятники.

И: Ну, там или улицы, например, сейчас ну, уже давно переименовывают, но сейчас ещё больше, там, не знаю. Вот, у меня, например, в Киеве был проспект Маяковского, который стал проспект Червоной Калины. Ну, и с одной стороны, как бы. Но окей, а с другой стороны, ну, Маяковский, Маяковский... *(смеётся)*

Р: Ну, для меня это язык... Русский или украинский — я всю жизнь и вся семья у меня говорят по-русски, мы всю жизнь по-русски всё разговариваем. Ну, если...
Я не знаю, я не знаю, как ответить на этот вопрос. Ну, переименовывают... просто сейчас такой пошла ограничение, шо иногда в магазинах не...

И: Не отвечают?

Р: Не отвечают и вообще не могут обслужить тебя не могут. Шо не обслужат тебя, если, типа, украински не будешь разговаривать.

И: А как Вы с этим справляетесь? То есть, Вы можете, ну, на на побутовом ривне немножко общаться?

Р: Да, не, ну, я и раньше могла, ну...

И: Ну, не очень, сложно, да?

Р: Не очень, но всё равно, шо мне надо, то я могу ответить, попросить.

И: Тоже такой, как бы, вопрос, как бы, похожий, но чуть-чуть про другое. То есть, многие сейчас тоже... думают о том, что вот Россия долгое время, там, угнетала украинский язык, культуру и так дальше. Ну, а другие, вот, например, наоборот говорят, что... Ну, там, Украина и Россия братские народы, да. А какое у Вас сейчас отношение? То есть, да война войной, но..

Р: Война войной...

И: Возможно, она пройдёт? Как, как Вы думаете, что будет дальше?

Р: Не “возможно”, она точно пройдет. Она пройдет, ну, отношения поменялись уже, будут меняться к россиянам. Потому что есть такие, шо люди у них родственники поумирали, дети, уже отношения к ним, уже как прежде уже не будет.

И: Ну, а Ваше личное мнение, то есть, что для Вас поменялось? Как было?

Р: Я их начала вообще... Ну, мне и раньше не нравилась Россия, я не любила Россию.

И: А почему?

Р: Просто не нравилось, она огромная такая и некомфортная, неудобная. Постоянно пробках была, я только из-за одних пробок не люблю её.

И: В этом... а, Вы бывали... Семья, Вы говорили... Да, окей... Есть ещё пара вопросов таких культурных более менее, о культуре.

Р: Постараюсь ответить.

И: Не, ну, у меня нет некультурных. (*смеются вместе*) Что вообще, не знаю... как, если можете ответить, изменились Ваши взгляды на историю Украины? Да, вот, ну, например, был, там, Советский Союз. Вы чувствуете какие-то изменения в этом?

Р: Не знаю, мне тридцать четыре года, как, как помню себя, мне нравилась наша Украина и до сих пор нравится. Я не знаю, как тогда было и как, ну, как поменялось, ну, тридцать четыре года как живу, как помню себя, меня устраивало всё в Украине.

И: Не, ну больше... Я не... Не только об Украине, но больше, вот, скажем так, да есть какие-то вещи... Вот, я тоже, да, я уже родилась в Украине. Мне, там, двадцать семь. И... всю мою жизнь был, где-то там в книжках, там, в историях, Советский Союз и Советский Союз. А вот сейчас, как-то после войны, иногда начинают прям демонизировать или не демонизировать. У Вас были какие-то вообще размышления на эту, на этот счёт?

Р: Нет.

И: Ну, короче, был себе и был.

Р: Был, тай й был.

И: А по поводу Второй Мировой Войны, как-то, возможно, какие-то аналогии были?

Р: Ну, я слышала у меня дедушка, бабушка были детьми на войне. На войне детьми были.

Р: (*мужской голос со стороны*) Вопросы такие..

И: Разные вопросы, какие есть... Нам надо было закрыться в комнате вдвоем (*смеётся*).

Р: Дедушка и бабушка была... На войне были дедушка и бабушка. Это родители моего отца. Ну, и, ну, рассказывали. Ну, и вот эта бабушка матери, мама была на войне, ну, не спрашивала, а за дедушку и бабушку я спрашивала. Было плохо на второй, ну, Вторая мировая. Рассказывали... и они и в интернатах были, забирали их, выросли, после войны их забрали из интерната. Потом уже прошла вот эта... Лет, наверное, четырнадцать было, им пос... конверты приходили, что они пережили войну, что они дети войны, пособие им давали уже много лет проходило с... ну, они уже старенькие.

И: Как-то то, что они Вам, ну, или мама, об этом рассказывала, ну, переключается с тем, что происходит сейчас или совсем другой контекст?

Р: Ну, говорят, ну, тогда, говорят, страшнее было...

И: Страшнее?

Р: Ну да.

И: Угу... Хорошо.

Р: Ну, страшнее или не страшнее, я не увидела это именно, слава Богу, я и мои дети, и мои родственники не видели ту беду и ту войну, которую щас там люди видят. Щас показывают и

говорят, что страшно. Вот я вчера зашла в интернет, Телеграм, я увидела такие кадры там, как девочек насилюют, как убивают, там крови полно. Ну, меня опять шок берет на это... Ну, слава Богу, мои родственники мои дети....

И: ... в безопасности сейчас, по крайней мере.

Р: Да, слава Богу, да. Это нас тут, слава Богу, Бог оберегает. Я думаю, людям там... И вот это тут иногда такие люди есть, что жалуются, жалуются, что им тут плохо. Ну, а я ж думаю и говорю им, вы тут, ну, живёте нормально, хорошо, говорю, а те, вы задумывались, те, которые сейчас там, не выехали и как им там, кто потерял там людей своих, кто детей, кто ещё что-то, в бункерах сидят голодные, холодные, зима ещё. Они ещё могут, есть такие люди, шо говорят, шо тут им плохо... Плачутся. Вот это я не могу понять.

И: Мне кажется, просто, знаете, сложно вообще сравнивать свой контекст и такой, ну, далёкий. Да, условно, то есть. Понятно, что ...

Р: (*перебивает*) Ну, человек должен чувствовать других людей, которые они там погибают. Вот я лично, я чувствую, я понимаю и вхожу в это, в ихнюю ситуацию, как им щас там, а как нам тут. И хотелось бы, шоб быстрее прошло, шоб они тоже вышли оттуда, шоб легче им было.

И: Да, безусловно, ну, мне тоже, конечно, хочется чтобы побыстрее закончилось, и никто там никого не насиловал и так, дальше просто я, как бы, ну, вот, понимаю, что наши эмоции они не могут справляться с таким количеством вот этого всего, не знаю, ужаса, смертей и так дальше, поэтому я абсолютно понимаю людей, которые, ну, чуть-чуть так, знаете, ну, не знаю, закрываются, можно так сказать, ментально от этого.

Р: Ну, закрывать... закрываться тоже нельзя, закрываться вообще, потому что ты на одной стране с этими людьми, в одной стране, закрываться полностью никак не получится. Всё равно у тебя... ты тут, а голова там, думаешь за это.

И: Да. Спасибо. Ещё чуть-чуть помучаю Вас вопросами о мировом сообществе. Ну, тоже вот, чтобы просто зафиксироваться ещё раз: кто, как Вы думаете, друг, а кто враг Украины в мире? Появились ли у нее новые друзья и новые враги после двадцать четвертого февраля? Ну, так по странам, возможно, что Вы слышали, видели, из медиа там...

Р: Не знаю, не знаю... Я не могу ответить, честно сказать, не отвечу на этот вопрос.

И: Ну, хорошо, а какие бы страны Вы хотели видеть среди друзей Украины? Окей. Ммм... Сейчас мы знаем, что страны Запада, мы уже обсуждали, да, это есть такими партнерами Украины в войне, ну, что, по Вашему мнению должны делать правительство Западных стран, чтобы нам, ну, быстрее помочь? И поменялось ли как-то Ваше отношение к НАТО или отдельным странам, да, которые есть в НАТО, за последние месяцы?

Р: Я хочу, шоб они нам помогли и всё, шоб помогли, шоб поставили как-нибудь Путина, шоб он не бомбил больше и всё. Шоб отстал от нас. Отстал от Украины от всей вообще.

И: Разделяю, разделяю Ваше желание. Не знаю, когда это произойдет, но разделяю. Смотрите, есть страны, которые больше поддерживает Украину — мы, вот, обсуждали, там, Америка, страны Европы — а есть страны типа Азии, Африки, Южной Америки, которые, ну, почти не поддерживают или поддерживает меньше?

Р: Они за Россию.

И: Не знаю. (*смеётся*) Как Вы думаете, почему так происходит? И важно ли нам как-то пытаться влиять на их мнение?

Р: Не знаю... наверное они за Путина, поэтому.

И: Но какая-то часть, да, ближе к России.

Р: Поэтому они и против Украины, потому что они... ну, никак, если они за него, за Россию, то, конечно, мы ничем не повлияем.

И: Как-то Украина, по Вашему мнению, могла бы вообще влиять на страны, которые, которые... не поддерживают нас? Ну, вот, вообще, если абстрагироваться, какие это страны — ближе, дальше, то есть, что мы можем или или власть, или мы, как граждане, как-то мы могли бы на это влиять?

Р: Никто не повлияет.

И: Почему?

Р: Только Бог повлияет, а так никто не повлияет.

И: Потому что всё решение, как это, от Бога?

Р: От Бога, ну, и, видите, шо они... Они ж людей никого не слушают, президенты, не тот, не тот, они не слушают народ, они делают, что им надо? Вот в России, он же тоже в России, пол-России за Украину, против войны. Но на него не влияет никто, он закрывает всех в тюрьмах туда, сюда. Убивают людей, бьют их на улицах, он не слушает народ.

И: Окей, то есть, какой выход, то есть. Мы должны молиться, чтобы Бог повлиял на Путина? Или на каких-то правителей?

Р: Да, молиться, только молиться, только Бог может всё исправить. Поставить всё на своих местах, только один Бог. Люди, мы... никто и ничто против... Вот видите, мы тут воюем, шоб у нас было всё хорошо, а там люди, там отети, ну, что за.. ну, в России живут, они напали на Украину, пол-России, пол-Москвы все города вот эти, они орут, кричат, чтоб войну остановили, ну.

И: Но их не слышат, да?

Р: Путин никого не слушает, да, не слушает, совсем.

И: Окей, хорошо, закончили со “странными” вопросами (*прим. мужчина в комнате называл вопросы об истории странными*). А теперь уже такие завершальные, возможно... Скажите, какие проблемы для Вас, вот, подсветила или выявила война? Ну, то есть, понятно, что у нас были проблемы такие, такого разного характера и до двадцать четвертого. Ну, вот, какие мы ощущаем сейчас сильнее?

Р: Я не знаю, я жила, я с четырнадцатого года как ушла со Славянска, ну, и тут у нас других областях не было войны в Николаев, Харьков, Одесса, где я жила. И мне как-то, ну...

И: Но у Вас всё было хорошо, ничего...?

Р: Всё было хорошо, ну, жалко было за те города, шо забрали.

И: Да, но, а если они только о войне думать, возможно, Вы уже назвали, там, что, не знаю, вот, с переездом у Вас уменьшили социальные выплаты, потому что..

Р: Щас да, да...

И: ... потому что что-то, да?

Р: Ну, выросли дети, у меня маленькая уже больше трех лет, и всё, из-за неё мне прекратили на всех детей выплату и всё.

И: Подождите, как это? Из-за того, что один подросток на других тоже?

РЗ: (*голос мужчины в комнате*) Слуги народа приняли закон три года тому назад, они приняли закон, что, если исполнилось наименьшему ребенку мать одиночки три года, она должна идти работать — не имела, разницы, десять детей или двадцать детей.

И: Всё, я зрозуміла... А что делать, три года — всё равно маленькие.

РЗ: (*голос мужчины в комнате*) Почему слуги народа, многие не принимают девяносто семь процентов слуги народа не поддерживают. Зеленского поддерживает, но его команду... Они просто начали бить по надеждам, когда Христос родился, дети пострадали, когда Моисей родился, дети пострадали. Точно так же, слуги народа пришли во власть, и дети пострадали... Я там пять лет проработал, в Одессе.

И: Вы говорили, что не знаете, но... Но всё равно, вот если предположить, то как Вы думаете, как долго будет длиться война?

Р: Я не знаю как долго, ну... Надо больше народа шоб пошло к Богу. Каяться идти к Богу и молиться, молиться, ещё раз молиться. Я думаю, Бог услышит, если от души молиться, от сердца, то он услышит.

И: То есть, чем больше людей будет молиться, тем быстрее закончится война или нет такого...

Р: Не, ну, я не знаю, может, для Вас, ну, смешно это, ну, я думаю, да, если больше молиться, то да.

И: Ну, я верующий человек, мне не смешно, просто, не совсем знаю, насколько это повлияет в временном пространстве.

Р: Не знаю, но я знаю, что он слышит, слышит.

Р: (*голос мужчины в комнате*) Есть в Библии написано, когда был такой город, Ниневия, её Бог послал Иону туда, чтобы просто беззаконие прекратилось, и когда царь услышал, смирился весь народ, и прибыл, и Бог пощадил и благословил этот город. Точно так написано в Библии, есть ли смириться народ мой и будут призывать имя Господне, то я пощадю землю и благословлю её, то есть...

И: Чем більше людей в Україні...

Р: *(голос мужчины в комнате)* Чем больше людей будут говорить не “Слава Україні”, а “Слава Богу”, потому что, кто читает Библию, там в Библии написано, что... “славу я не віддам нікому”. Христос сказав, сам Син Божий. Празнуем праздник, ми віримо в то, що він сказав, що “свою славу я нікому не віддам”. І слава вона не належить чоловіка, вона належить Богу. От Бог понад усе, слава Ісусу за нашу країну.

И: Дякую за доповнення. Якщо ми віримо всі, що війна закінчиться, сподіваємось що пошвидше, але як вона може закінчиться, на Вашу думку, які можуть бути сценарії?

Р: Не знаю, буду сидеть дома и услышу, что война закончилась и всё.

И: Але, мається на увазі...

Р: Не, туда опять я не хочу лезть, туда не хочу лезть, просто буду сидеть дома. Придет весточка хорошая от Бога, что война закончилась.

И: А как Вы думаете, изменила ли или изменит ли эта война мир в целом, то есть, если изменит, то каким образом?

Р: Изменит, конечно. И потому что она уже видит, что... Как вам объяснить... всё равно сейчас, нормально.

И: Как чувствуете...

Р: Уже начали люди как-то друг до друга, большинство... Есть такие, что всё равно остались так же, как и при себе были, при своим мнения. Но сейчас чувствуется, что люди добрее к друг другу.

И: Угу.

Р: И первую очередь Бог спасёт тех, которые... будут любить, уважать друг друга. Потому что последнее время у нас было до войны, люди, как, я не знаю как... звери были друг на друга... и вообще... не так они.

И: Возможно...

Р: Человек на человека было, да, плохое отношение. Это я знаю сто процентов, а сейчас уже как-то поменялось, меняется, добрее, люди становятся друг другу. Дай Бог, чтоб всё, весь народ так был, шоб быстрее.

И: Да,да.

Р: Вот так и пройдёт быстрее война, да?

И: А если говорить о стране, то есть, как Вы думаете, как Украина поменяется после войны?

Р: Насчет людей?

И: Но, возможно, людей, возможно, каких-то процессов, возможно, что-то, ну, вот то, что Вас окружает да, то есть... Чего бы Вы хотели?

Р: Я хочу, шоб закончилась война, и шоб я поехала к себе на родину, на свой город, и буду помогать с детками, с семьей. Будем помогать, восстанавливать...

И: Вы вернетесь, да, на восток?

Р: Конечно. Будем восстанавливать всё, что сломали нам эти орки несчастные.

И: Какие проблемы нам надо будет решить, вот, после войны? Ну, Вы бы сказали восстанавливать, что ещё, возможно?

Р: Всем, чем сможем, будем помогать. Нашим городам, чтоб восстановились.

И: Спасибо большое. Спасибо, это, в принципе, конец... Единственное, что у меня есть ещё одна форма. Я вам полностью прочитаю это, по сути, Ваше согласие на то, что Вы даете... Сейчас секунду, найду на русском.

Р: Дочки уже всё, орут, уже хана.

И: Уже ждут Вас? Так, всё я уже Вас отпускаю.